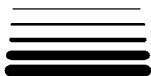
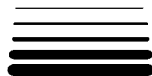

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ

Год Германии в России

Вслед за Годом Франции и Годом Испании в России, журнал «Философские науки» принимает участие в мероприятиях Года Германии в России и России в Германии. Почетное место немецкой философии как в мировом философском процессе, так и в культуре собственной страны не требует обоснования. Поэтому, открывая серию публикаций, посвященных философии и культуре Германии, редакция надеется, что она будет встречена нашими читателями с интересом.

Германия: Путевые заметки

Н.В. МОТРОШИЛОВА

Прескриптум

В последнее время я попыталась поработать в некоторых относительно новых (для себя) жанрах, общий смысл и определенная необычность которых для философии — особая близость к животрепещущим проблемам самой жизни, к ее событийным поворотам и потрясениям, которые чаще всего пропадают за густым «лесом» общих философских абстракций. Так уж случилось, что первая публикация по результатам моих новых жанровых поисков появилась именно в журнале «Философские науки», к которому я испытываю особую расположенность в частности за его открытость, готовность предоставить печатное пространство не только традиционным по форме, но и нестандартным «философским исследованиям». Таким, например, которые я предприняла под влиянием пребывания в Германии в 2011 году и тамошних острых дебатов, возникших в «жизненном мире» из-за как будто неожиданных, но — увы — «запланированных» всем ходом развития современной цивилизации трагический событий в Японии, в Фукусиме. Тогда я предложила журналу работу (2011. № 6), выполненную в непривычной форме «философского репортажа» (с применением методов философско-лингвистического анализа понятий, фигурирующих в различных сферах «жизненного мира»).

Нередко считается, что приемы непосредственного наблюдения далеки от философии с ее упомянутым «лесом» специальных абстракций. Думаю, это неверно. Можно было бы показать, сколько ярких философских рассуждений в истории мысли отталкивалось от глубоких

впечатлений и переживаний, испытанных философами в обычном течении их повседневной жизни и насколько действенными были произведения, в которых их авторы постарались сохранить для читателей свои мысли вместе с именно обобщенными восприятиями, впечатлениями, переживаниями. И сколь ценны для истории свидетельства увиденного и пережитого — особенно тогда, когда времена и их живые свидетели отдаляются от читателей на целые века... Но отвлечемся от истории и великих примеров. Иногда полагают, что в сегодняшнем мире с его уникальными возможностями фиксирования событий жизни, артефактов мысли и культуры можно не заботиться о, так сказать, запечатлении впечатлений. Думаю, и это предубеждение можно оспорить, ведь сегодня все в человеческом мире меняется так стремительно, что сравнение двух картин или картинок бытия, которые так или иначе удерживаются, документируются, может заблаговременно сказать о назревающих бытийных поворотах и переворотах, побудить именно к их философскому осмыслению.

Получилось так, что в XXI веке я регулярно посещала Германию — страну, которой (как лауреат престижного Фонда имени А. фон Гумбольдта и как кавалер немецкого государственного ордена Bundesverdienstkreuz) я благодарна за признание, за уникальные совместные российско-немецкие проекты (прежде всего это проект двуязычного немецко-русского издания основных сочинений И. Канта). Много в бытии этой страны в конце XX — начале XXI века мне нравилось и вызывало добрую зависть. Мне еще несколько лет назад казалось, что Германия, другие страны после Второй мировой войны коренным образом изменили свою жизнь и приобрели запас социально-исторической прочности против возможных злобно-бесовских, варварских всплесков истории. Увы, сейчас, в начале второго десятилетия XXI века, в этом нет уверенности...

Ниже следующие путевые заметки написаны в 2008 году и относятся к периоду, когда если не уверенность, то надежда на это была.

Предлагаю вниманию читателей свои тогдашние заметки, тесно связанные с теми философскими темами, которыми я занимаюсь в последние годы — с проблемами цивилизованности и варварства в условиях глобальных кризисов. Посвящаю эти заметки году Германии в России — и соответственно России в Германии. Раньше я предполагала озаглавить их так: «Что мне нравится в Германии». Скажу, не вдаваясь в обоснования, поскольку для этого нужно было бы написать уже другие заметки (пусть прошло-то всего несколько лет): боюсь, теперь правильно было бы написать — «Что мне (еще недавно) *нравилось* в Германии»...

Этими заметками я хочу воздать должное Германии, ее народу — и скорее не тем сторонам жизни этой страны, о которых обычно говорят философы и к исследованию которых я тоже имею отношение. Словом, речь пойдет не о высокой культуре, которая запечатлелась в

литературе, художественном творчестве, в любимой мною немецкой философии, деле моей жизни. Ибо то, о чем я хочу сейчас написать, хотя и связано с высшими этажами культуры, но обладает относительно самостоятельным смыслом, значением, наконец, бытием, так что способность народа к созданию рафинированной культуры не всегда переливается в высокую культуру повседневной жизни и не всегда ею определяется (как показывает, к сожалению, многовековой опыт России, моей родины, всем сердцем любимой...).

С самого начала хочу оговорить: Германия — не идеальная страна. Послушайте передачи по немецкому телевидению, почитайте немецкие газеты. Беспокойство населения, дискуссии политиков, разговоры с теми же простыми людьми показывают, что проблем весьма много и что вскрываются они поистине беспощадно. Это, кстати, сближает Германию и современную Россию, в которой — что бы ни говорили западные «специалисты по правам человека» и «свободе слова» — сегодня беспрецедентно высок уровень самокритики и открытости в высказывании критических суждений в адрес порядков, которые имеют место в стране, и в адрес правящих кругов. И еще одно предупреждение: Россия — моя родина, которой я и — к счастью — мои дети преданы так, что идея поселиться где-то еще никогда не приходила нам в голову (а ее в нашем случае вполне можно было бы реализовать: мой покойный муж, известный российский американец Юрий Замошкин был почетным гражданином трех американских штатов; да и мне в Европе нашелся бы приют). Мы всегда считали и считаем: родина — как мать, она одна; ее легко покинуть, но правильнее всего трудиться дома и делать все, чтобы твоя Родина шла вперед, и притом своей дорогой. А поэтому неловкий разговор — для сопоставления — о российском *Lebenswelt*, жизненном мире (слово, пущенное в широкий оборот Эдмундом Гуссерлем, немецким философом, которым я занимаюсь), продиктован любовью и болью.

Так вот: я буду рассуждать о культуре в повседневной жизни немцев сегодняшнего дня, т.е. о культуре в самом широком смысле этого слова, о тех внутренних структурах их повседневности, о цивилизованности, о которых они-то уже мало говорят, потому что принимают их в качестве само собой разумеющихся основ и подмечают главным образом тогда, когда случаются отклонения от правил, от сложившегося порядка. Порядок (*Ordnung*) здесь ключевое слово. Что немцы привержены к порядку и придерживаются его, говорится везде и давно. Но вряд ли полностью познано то, какие огромные преимущества приносит эта черта жизни, ежедневного поведения именно в условиях *современной* цивилизации. Наша жизнь сегодня — это взаимосвязь такого количества звеньев, это потребность в *одновременном* и четком выполнении такого количества мелких, средних и больших функций, задач, что ее нельзя сопоставить не только с

прежними веками, но даже и с прошлыми десятилетиями. И вот если хоть в одном из тысячи звеньев допускается головоутиение (переводится хорошим немецким словом «Schlamperei»), то в тар-тарары летит вся цепочка. Конечно, Schlamperien случаются и в Германии. Немцы долго помнят о них. Например, один мой немецкий друг обстоятельно разъяснял мне, как плохо работает Deutsche Bahn, немецкая железная дорога. Как бы в подтверждение его слов на его юбилей из-за какого-то сбоя на железной дороге опоздал (и провел чуть ли не целый день в поездах) профессор, который должен был произносить Landatio, поздравительный доклад. Этого профессора ждали, ждали — и он в конце концов появился...

В последние 15 лет я регулярно бываю в Германии, конечно, езжу в поездах, так что и мне пару раз случалось переживать если не железнодорожные сбои, то хотя бы напряжения — из-за того, что один поезд чуть опаздывал, и была опасность не поспеть при пересадке на другой поезд. А все-таки подобные случаи — редкие исключения из строго соблюдаемых правил. Удобные, чистые, чаще всего (не всегда, правда одинаково) комфортные немецкие поезда более чем в 90% случаев ходят точно по расписанию; при пересадках графики поездов подогнаны друг к другу; в поездах в сеточках каждого кресла есть Zeitplan, т.е. точный график остановок и пересадок; за несколько минут объявляют следующую остановку и благодарят за путешествие. В совсем новеньких поездах есть табло, подробно информирующие о каждой части пути и т.д. Все это простые, для немцев привычные, элементарные вещи, однако, ведь они и есть та повседневность (Alltag), с которой сталкиваются обычные люди и которая их всего больше затрагивает. Но есть и люди необычные — не в смысле высоты их положения, словом, я не о тех, кто летает на частных самолетах или кого возят в лимузинах собственные или государственные шоферы. Я — о людях, которых судьба могла бы смертельно обидеть, если бы... если бы они не жили в Германии.

Приведу один пример. Однажды в Марбурге на перекрестке, у светофора я случайно познакомилась с незрячей молодой женщиной. Уже и светофор в Германии помогает ей жить. Когда она, простукивая палочкой бордюр тротуара (которому, кстати, по этой причине положено быть прямым, как и самому тротуару — сразу напрашивается сравнение с неизменными колдобинами и углублениями на российских тротуарах), подходит к светофору, то он звуковыми сигналами предупреждает ее, красный или зеленый свет зажжется. Мы разговорились с этой женщиной, пока шли в один и тот же магазин и пока она ожидала такси, чтобы погрузить, казалось бы, более чем необычные для нее покупки. О покупках — несколько позже. Сначала — о ней. Оказалось, что она работает на телестудии во Франкфурте-на-Майне, а это в часе езды на поезде от Марбурга. И она *каждый рабочий день*

ездит туда и обратно. Я думаю, что с ее стороны это человеческий подвиг, хотя она сама, по-видимому, не усматривает здесь ничего чрезвычайного. Однако эта молодая женщина может вести нормальную, насыщенную жизнь еще и вот по какой причине: вся структура повседневной жизни помогает ей. Об этом рассказала мне она сама, конечно, не вспоминая о деталях, о которых я сейчас поведу речь. Каждый будний день она проделывает свой привычный путь к автобусной остановке. Автобус (за редчайшими исключениями) приходит минута в минуту (по расписанию, обязательно имеющемуся на каждой остановке). И хотя в городах Германии, как и везде в мире, бывают пробки, автобусам реально и строго отводятся специальные дорожки, которые не имеет права занимать автомобильный транспорт. (То же относится к транспорту, подобному машинам скорой помощи.) Поэтому моя марбургская знакомая, приходя в одно и то же время к автобусу, вовремя прибудет на вокзал и сядет в нужный ей поезд, путь к которому через вокзал она за несколько лет изучила так, что преодолевает его именно «вслепую». Кстати, уровень входа в немецкие автобусы совпадает с уровнем тротуара, что очень важно для инвалидов и детских колясок, для старых людей, для тех, у кого в руках чемодан и т.д. (Опять вспоминаю, что в России приходится карабкаться по нескольким ступенькам в автобус и потом спускаться по ним; и как трудно было, когда мне случилось сломать ногу...) Конечно, как сказано, и в Германии бывают срывы. Но та молодая женщина в Марбурге смогла припомнить два-три случая за несколько лет.

В магазине с ней тоже было интересно. Оказалось, что она хочет купить... ящик вина и два ящика пива! Она рассказала, что живет вместе со своим другом (тоже незрячим); и вот сегодня они устраивают большую вечеринку; придет более десятка приятелей. Сначала она выбрала (в этом случае с моей помощью) вина; потом пришел работник магазина, погрузил нужные ящики на тележку; затем появился шофер вызванного между тем такси, забрал тележку и молодую даму... Вот и вся история. Я нахожу ее очень важной и характерной: она отчетливо показывает, что порядок, точность, надежность — вещи весьма человеческие, иногда незаметно гуманные. И наоборот — беспорядок обижает, оскорбляет людей, а для тех, кому судьба послала инвалидность, слепоту и другие подобные испытания, он вообще означает невозможность вести более или менее сносную жизнь.

Еще одна деталь. На немецких вокзалах сейчас можно встретить молодых людей (видимо, студентов) в синих униформах с надписью: помощь на вокзалах (это церковная помощь). Если нужно, вам внесут чемодан в вагон, что опять-таки помогает старым или не очень здоровым людям (впрочем, уже есть поезда, вагоны которых вровень с уровнем платформы; но пока еще есть вагоны более старого образца, такая помощь очень кстати).

Я заговорила о тротуарах, и это тоже напомнило мне один разговор — в Кёльне. Вообще-то в Германии редко увидишь, что ремонт дороги делается на Ваших глазах среди белого дня. Но тут днем настилали асфальт. Я как человек любопытный (и в Германии люблю беседовать с разными людьми) остановилась, легко опознала главного среди мастеров и спросила его, как они добиваются тех самых ровеньких краев и отсутствия ям посреди тротуара, которые и помогают таким людям, как марбургская незрячая женщина, каждый день смело и без всякой помощи шагать по тротуарам города. Мастер ответил, что их специально учат всему этому и что каждый из них лично, как и их фирма, строго отвечает за качество. Но больше всего поразило меня вот что. Мастер сказал: если я сделаю это хорошо, можно надеяться, что (некий) герр Шмидт сделает такой же славный тротуар возле моего дома; а там ходят мои дети...

Я — философ и сразу перевожу сказанное мастером в теоретическую плоскость. То, что просто, ясно, осознанно выразил немецкий мастер, ведь и есть *главная черта цивилизации и цивилизованности*. Он вряд ли подозревал, что ее, эту черту, более чем два тысячелетия назад великий Аристотель назвал «взаимной предупредительностью»: я заведомо делаю свое дело хорошо и исправно — в надежде на то, что другие люди так же поступят в отношении меня самого и моих близких. Кстати, такая же максима применима к отношениям целых стран и союзов государств: можно злоумышлять против них, строить козни, проявлять подозрения и недоверие; а можно — сейчас даже настоятельно нужно — начинать, как говорил Аристотель, «с одолжения», с добра и доверия. Оправданно ли надеяться, что государственные деятели не на словах, а на деле дорастут до этой максимы, что их мысли, идеи, мотивы станут такими же зрелыми, как и сознание того немецкого мастера? Вовсе не уверена в позитивном ответе на этот вопрос, животрепещущий и болезненный для современной человеческой истории.

Хотелось бы сказать и о тех особенностях немецкой повседневности, которые одновременно связаны и с сознанием, ценностями, мотивами миллионов людей, и с центральными структурами экономической жизни страны. Эти особенности немцам тоже кажутся само собой разумеющимися. Однако то, насколько трудным бывает их проникновение в обычную жизнь, можно видеть на примере современной России. Например, на той улице Москвы, по которой я (всего-то 500 метров) иду от метро к своему дому, в новейшее время «свободного рынка» появились: два магазина офисной мебели, два магазина обуви, три-четыре маленьких павильона с игровыми автоматами (теперь их, слава богу, удалили), один салон татуировки и пирсинга, один магазин оптики, один магазин мужской одежды, две аптеки. И все это (за исключением одного магазина обуви) очень дорогие заведения, в течение дня пустующие, с немалым количеством

продавцов, не знающих, куда себя девать от безделья. Да, есть еще салон-парикмахерская, где прическа стоит более сотни евро... Правда, продукты можно купить в двух небольших частных магазинчиках, которые к тому же и работают круглые сутки. Однако невозможно и представить себе, чтобы на углу моей улицы в современной Москве — как это имеет место в любом немецком городе и поселке — могла бы примоститься маленькая булочная, в которой продавалось бы что-то вроде свежайших немецких булочек, или чтобы по соседству обязательно были бы недорогая прачечная или химчистка. В Москве как раз «свободная» рыночная экономика вымела с наших улиц то, что так нужно простым людям в их повседневном существовании. Кстати, это не мешает помнить тем западным и российским догматикам якобы свободного рынка (как и якобы свободных выборов), которые полагают, что Россия осчастливлена их рецептами, требованиями, выговорами. Ведь любые наилучшие общие схемы исполняются — или не исполняются, превращаясь в свою противоположность — на конкретной исторической почве данной страны.

В Германии мне очень нравится то, чего катастрофически и парадоксально не хватает в современной России. У нас большинство населения — люди либо просто бедные, либо очень скромного достатка. А все лучшее в инфраструктуре повседневной торговли, сферы питания в последнее десятилетие оказалось повернутым по преимуществу, если не исключительно, к очень богатым людям. Особенно поражают наши рестораны. Раньше, в эпоху социалистического дефицита, их было сравнительно мало. И всегда существовала проблема найти в них свободное место. Да и вообще было трудно купить в магазинах что-либо насущно необходимое. Сейчас (и не только в Москве) магазины, рестораны, кафе — буквально на каждом шагу. Но обычные люди не могут просто зайти в ресторанчик, чтобы пообедать, тем более поужинать всей семьей. В Германии же ресторан и обед, ужин в нем — дело обычное, причем и для людей достаточно скромных доходов. Это относится и к магазинам. Есть, конечно, очень дорогие рестораны и бутики, но наряду с ними даже на центральных улицах городов можно легко найти множество доступных ресторанов, кафе и больших магазинов с демократическими (конечно, по немецким меркам) ценами.

И у нас нельзя не видеть значительных сдвигов: вместо всеобщего и возраставшего дефицита социалистической поры и у нас сейчас в каждом районе есть немало рынков, магазинов, где продукты и одежда подешевле; есть совсем дешевые рынки и товары. Но они почему-то заботливо упрятаны от глаз людей и часто вынесены за черту города, что, скажем, для необозримой Москвы особая проблема. А ближе к центру и на центральных улицах наших городов буквально господствуют такие рестораны, магазины, цены и товары, что можно подумать: в этой стране живут исключительно богатые люди... И еще небольшая деталь:

продается такая одежда, что можно подумать, будто фигуры всех женщин и мужчин в этой нашей стране повторяют параметры известных модельеров... Германия же в ее повседневной жизни явно, отчетливо и намеренно ориентируется на людей среднего и небольшого достатка — и даже не на средний класс в западном понимании, что подразумевает весьма состоятельных людей. Подобно этому пожилые и старые люди могут рассчитывать на достойный их выбор.

Прошу понять меня правильно: я совсем не хочу сказать, что Германия — не стратифицированная страна. Например, в 1995 году я почти год жила в Кёльне, причем (случайно) в фешенебельном районе, где находится гостевой дом Кёльского университета. И гуляя там по красивейшим улицам, я могла — издали, конечно, — видеть, как живут немецкие богачи. Это совсем, совсем особый, замкнутый, а для простых людей — по-своему призрачный мир. Более того, во всей современной цивилизации я обеспокоенно вижу такую пагубную черту, которая уже сегодня, а еще больше в будущем чревата серьезными социальными взрывами: самые богатые или очень богатые люди планеты создали для себя в высшей степени элитарный мир деятельности, жизни, общения, досуга, заботливо отгородили его от другого мира — мира повседневности и обычных людей. И то, что пропуском в этот мир далеко не всегда являются ум, талант, честность, тогда как большие деньги всегда таким пропуском являются, — одна из язв современной цивилизации. Раз ученые с мировыми именами, получившие Нобелевскую премию за многолетнюю работу, на двоих-троих делят суммы, сопоставимые с гонорами теннисистов, футболистов, звезд шоу-бизнеса (порой очень скромного таланта), то это значит: что-то весьма неблагоприятно в этом «лучшем из миров»...

А все-таки в Германии огромное богатство существует не на фоне большой и оскорбительной бедности народа, да и ведет оно себя не так безвкусно и кичливо, как вот уже два десятилетия проявляют себя разжиревшие «черные коты» из новых русских.

Принимая во внимание проблемы старых и пожилых людей Германии, о которых каждый день с болью и возмущением говорят по немецкому телевидению, пишут в немецкой прессе, все же не могу не отметить: чему в Германии я по-настоящему завидую, так это положению пенсионеров, во всяком случае, когда вспоминаю о бедствиях пенсионеров в моей родной России. Германия так много сделала для своих стариков и пожилых людей, что порою можно услышать: надо бы так же позаботиться и о молодых или более молодых, ведь именно по молодому и среднему поколениям больше всего ударяет самая большая проблема современной Германии — многомиллионная безработица. А вот старые люди (если, конечно, они работали, не оказались на социальном дне и получают нормальную пенсию) в этой стране живут относительно благополучно.

Благодаря пенсии можно не только рассчитывать на приличное жилье, питание, одежду. Можно позволить себе путешествия, посещения театров, концертов и т.д. Старики в этой стране живут, выглядят и держат себя достойно.

Впрочем, и русские старики-пенсионеры — это особый слой, в том смысле, что и они ведут себя гордо, что они чаще всего стараются выглядеть достойно. Но их достоинство, гордость часто скрывают неимоверно трудную жизнь, особенно в тех случаях, когда старики одиноки, и на помощь не приходят более состоятельные дети, родственники, друзья. А вот чего в последнее время «добились» наши власти, так это полного «равенства» пенсионеров: сколько бы ни получали они раньше, когда работали, какие бы заслуги ни имели, от государства все получают в качестве пенсии равные и мизерные суммы... Впрочем, еще до пенсии, до пенсионного возраста зарплаты в современной России таковы, что люди с наиболее высоким уровнем образования по оплате стоят, как правило, в самом низу социальной лестницы. Беспокоит ли такое «равенство» само население нашей страны в целом? Вряд ли. И здесь я снова приведу в качестве контрастного примера разговор с одним простым человеком в Германии. В Мюнхене еду в такси. Разговорилась с таксистом — судя поговору, коренным баварцем. Он спросил, откуда я и чем занимаюсь. Когда узнал, что я профессор из России, спросил о зарплате профессора в России — во сколько раз он (она) зарабатывает больше, чем таксист. Я ответила, что вопрос поставлен неправильно: надо спрашивать, во сколько раз *меньше*, чем таксист, зарабатывает российский профессор. Его следующий вопрос меня удивил: не протестуют ли против этого в России *таксисты и люди других профессий*? И пояснил, что при подобных порядках в своей стране он первый бы вышел на демонстрацию протеста, потому что страна, потратившая немалые деньги на образование своих ученых людей и потом не умеющая их ценить, доказывает, что совсем не способна правильно вести государственное хозяйство. Впрочем, этот разговор состоялся в начале 90-х годов, когда безработица среди «академиков», как называют в Германии образованных людей, еще не была такой высокой, как сегодня. И все равно вопросы, заботы, сознание этого простого человека Германии представились мне очень показательными и важными. Хотелось бы мне встретить подобного таксиста в России...

И last but not least — мое последнее по порядку, но не по значению наблюдение над Lebenswelt Германии. С моего первого посещения Западной Германии для меня было принципиально важно понять, как в своих умах и сердцах немцы разных поколений справились с болезненной проблемой нацизма и Второй мировой войны. А эта проблема была своего рода травмой для меня и моей семьи.

Вспоминаю, как еще молодой женщиной, только что вступившей в самостоятельную жизнь после окончания Московского университета

и аспирантуры в Институте философии Академии наук, я приехала к своим бабушке и дедушке в город Белгород, который расположен в сердце европейской России. Мой дед, человек довольно образованный и начитанный (я видела: после колебаний и сомнений) решил задать мне такой вопрос: почему я стала заниматься *немецкой* философией после того, что, как он выразился «немцы сделали для нас»? Он имел в виду не только общие беды войны, но и утраты нашей семьи. Мой отец, получивший университетское образование, по всем отзывам, человек способный, многообещающий, в 1942 году погиб на фронте (и его останки потом, в 1976 году, обнаружили в болотах около Новгорода!) Два его брата, начинающие писатель и художник, тоже были унесены войной...

Так вот, я не успела ответить на понятный вопрос деда. Меня опередила бабушка. Она сказала деду примерно так: «Ну как же ты не понимаешь — Неля занимается тем, что немцы делали целые века, а наше горе — от тех людей, которые заправляли Германией только двенадцать лет...» Вряд ли можно было дать более мудрый ответ.

Говоря о своих бабушке и матери (а мама, до войны — молодая, цветущая женщина, умерла всего в 49 лет...), я думаю о том, что огромная роль женщин в наших странах — общая черта их истории. Отвлекусь в сторону от главной темы. Моя бабушка после войны своими руками разбирала руины разрушенного войною дома и восстанавливала его. У нее было два платья — в одном она выходила в город, в другом строила дом. И это второе платье, рассказывала она мне, за два года истлело от тяжелой работы. Я вспомнила об этом, когда на одной из выставок в Бонне (она была посвящена первым послевоенным годам в Германии) увидела впечатляющий фотоснимок: немецкие женщины, которые вытаскивали из руин и обтесывали полууцелевшие кирпичи, сложили их в длинные, почти километровые штабеля, чтобы из них можно было построить новые дома. Значит, у женщин наших стран, жертв этой бессмысленной и беспощадной, не ими развязанной войны, была общая судьба.

В России и, может быть, еще больше, чем в Германии, настоящим основанием социальной жизни и истории страны являются труд и долготерпение российских женщин. Я совсем не хочу обижать российских мужчин. Однако вынуждена сказать: в России безответственность и алкоголизм немалого числа мужчин привели к тому, что тяжесть ответственности за семьи, за детей нередко перелagается на плечи женщин. И они, женщины моей страны, всегда достойно несли и несут эту свою ношу. Могу сравнить их социально-историческую роль в России с пирамидой, очень широкой у основания, но со «срезанной» верхушкой. Это значит, что в самых разных областях жизнедеятельности народа женщины, как правило, многочисленны, активны, ответственны. Но как только дело доходит до руководящих ролей (до верхушки пирамиды), мужчины решительно оттесняют женщин. В советское время были «квоты» участия женщин в Советах и правительстве. Однако

все это носило чисто «декоративный» характер и существовало для показухи. Сейчас нет и этого. И вот я с (белой) завистью и радостью за Германию вижу, как широко в этой стране женщины представлены в верхних эшелонах власти, в политике. Я уже не говорю о том, что одна из этих женщин — умная, образованная, энергичная Ангела Меркель (притом выросшая в ГДР) — стала Bundeskanzlerin! Ведь теперь рядом с нею — несколько женщин-министров, женщин, всерьез играющих ключевую роль в политических партиях и Бундестаге, в правительстве Земель Германии.

Но я отвлеклась от темы: нацизм, война и сознание современных немцев. Я, понятное дело, не общаюсь в Германии с правыми радикалами, неонацистами и не знаю о мире их настроений и об их совести. А в других слоях, которые мне знакомы больше, я вижу устойчивые ценности и настроения — неприятие нацизма, войны, реваншизма, переживания за то, что был такой мрачный, бессмысленный период в истории страны, что мне лично всегда было чрезвычайно важно. Думаю, что это важно и миллионам людей в России. По отношению к моей стране я все время ощущаю живой интерес простых немцев, искреннее желание видеть улучшения в нашей жизни и способствовать им, насколько это в их силах. Однако чем дальше, тем больше я ощущаю беспокойство из-за того, что люди тех дел и профессий, которые призваны глубоко, основательно, разносторонне информировать население Германии (и других стран) о России, по моему глубокому убеждению и опыту пребывания на немецкой земле, в массе своей не просто не выполняют этой функции, а делают нечто прямо противоположное. Есть, конечно, и исключения: я лично знакома с рядом высококвалифицированных, честных немецких корреспондентов, работавших и работающих в России, знающих и любящих высокую культуру моей страны. Но их — редко появляющиеся! — отдельные репортажи не меняют общей, весьма мрачной, картины. Читатель может сказать, что и я сама в этих заметках, обрисовывая *позитивные* черты жизненного мира Германии, по контрасту упоминаю скорее о бедах и болезнях в социальной жизни России. Но передо мной (в одной краткой статье на особую, частную тему) и не стоит задача, которой в общем и целом должны руководствоваться журналисты — давать объективную, разностороннюю, а не идеологически предвзятую, какому-то слою удобную картину жизни такой огромной и такой важной страны, как Россия. А что эта картина получается искаженной, я готова доказывать на фактах. Но это уже другая тема и другая история, которыми не предполагалось заниматься в этих заметках.

В этих кратких путевых заметках речь не идет о том, что мне *не нравится* в Германии: это тоже особый разговор, и он уже требует другого случая и полной доверительности между тем, кто пишет, и теми, кто читает.